– А как Вам удалось добиться такого лёгкого бритья, моя звезда?

– Мыльная пена. Если мыло взбить в пену, нанести её на лицо и побрить, бритьё будет легче и приятнее. А после нужно нанести лосьон. Тогда даже на чувствительной коже не появится раздражения.

Корентайн с усмешкой вспомнила несчастного монаха-алхимика, которого она донимала своими формулами и рецептами. Тем не менее старик был вполне доволен ученицей и её изобретениями, особенно когда сам стал её подопытным кроликом, вновь ощутив на своих щеках весенний ветерок.

– К сожалению, самому так чисто бриться без хорошего зеркала не получится, – вздохнул Дени. – Я поэтому вновь отрастил бороду. Услуги цирюльников мадемуазель слишком дороги!

– Ври да не заговаривайся, прохвост! Мадлен тебя брила даром! – рассмеялась Корентайн.

– А если я пришлю тебе слугу, сможешь его обучить этому процессу? – поинтересовался Анри, всё ещё изучая своё отражение. Если лицо загорит полностью, это не должно быть так нелепо. Да и выглядеть сразу стал моложе. А с бородой как старик совсем. Хотя самому едва перевалило за тридцать.

Девушка улыбнулась.

– Я могу подарить Вам Селесту, Анри. Она даже лучше меня в этом вопросе. Дени, собери для Его Величества разного мыла и лосьонов в подарок, а также кофе и чай. Рецепты я сама напишу.

– Конечно, мадемуазель. Мне сказать Селесте, чтобы собиралась?

– Да, благодарю тебя.

Дени тут же скрылся в подсобных помещениях, а Корентайн, спросив Этьена, не желает ли он побриться и получив отказ, повела мужчин в гостевую комнату, где сварила для всех троих какао, предложив к нему немного сладостей. Но вид девушки, сидящей напротив них нога на ногу в этой страной, но такой привлекательной одежде полностью лишил мужчин вкуса. Генрих даже мысленно посетовал, что терпеть не может современную моду чулок и шоссов, предпочитая по-военному более удобные гладкие бриджи до колен, скрывающиеся в сапогах.

"В шоссах так напряжение не заметно!" – мысленно ворчал мужчина, но всё же не отводил взгляда от юной Коры.

– И когда Вы собираетесь открыть свой магазин-цирюльню? – поинтересовался Генрих.

– Цирюльня ещё не до конца готова, а магазин, вероятно, завтра. Я некоторое время послежу за работой, поучу Дени правильно обслуживать клиентов, а потом вернусь домой.

– Вы не хотели бы погостить в Нераке? – поинтересовался Анри.

– Пока Маргарита развлекается в Ажене? Нет, благодарю. Нам пока лучше не иметь лишних контактов, Анри, иначе у меня не выйдет стать той, кто будет добывать Вам информацию из вражеского лагеря.

Мужчины переглянулись, и Этьен осторожно спросил:

– Мадемуазель, прошу простить, но разве Вы не католичка?

– Как это связано? Я просто помогаю тому, кому хочу, и кто мне нравится. Только не воспринимайте всё превратно и пошло, господа. Я просто выбрала свою политическую сторону, – усмехнулась девушка, глядя на переглянувшихся вновь мужчин.

Конечно, они не поверили, а Кора и не пыталась их убедить. Тем не менее девушка продолжала поддерживать обычную беседу, без попыток сблизиться с Анри, на взгляды которого, тем не менее, не отводила своих глаз, открыто встречая его знаки внимания.

В конце концов, мужчины, так и не сумев добиться от неё каких-либо намёков на грядущие планы, были вынуждены откланяться, прихватив с собой подарки, подготовленные Дени Перро, и Селесту, которая на долгие годы стала личным цирюльников Генриха Наваррского, а по совместительству – вернейшим шпионом при нём Корентайн д'Эстре.

Смерть Франсуа, герцога Анжуйского и наследника Генриха Третьего, вновь накалила отношения между католиками и протестантами. Первые не хотели видеть Наваррского наследником престола, вторые негодовали по поводу попыток короля Франции убедить Наваррского сменить веру.

Генрих Третий несколько раз писал своей сестре просьбы и требования повлиять на мужа, но тот оставался непреклонен. Он сохранял непоколебимую верность вере, но совершенно не чтил верность супружескую. И хотя Маргарита сама была слаба в этом вопросе, она не преминула несколько раз уколоть Генриха тем, что он не чтит заветы собственной веры, так какая ему разница, в какой вере грешить?

– Так переходите в кальвинизм, жена моя! Будем грешить в одной вере! – громогласно заявил Генрих на очередном балу, когда Маргарита шёпотом выговаривала ему за неприкрытое любование новой фавориткой.

– Да как Вы смете мне такое предлагать?! Я верная католичка!

– Ах, полноте, мадам. Вы не верная, да и католичка так себе. За те семь лет, что мы живём в Ажене, Вы много ль раз посещали церковь? Быть может, Вы исповедовались? Ах, наверное, тот факт, что вместо траура по брату Вы веселитесь на балу, говорит о том…

Договорить мужчина не успел, вино из кубка в руках Маргариты выплеснулось на лицо Наваррского.

– Думаешь, побрился, стал выглядеть моложе, так всё тебе прощать будут?! Дудки! Ты ещё поплатишься за свои слова!

– Ну, что я могу поделать? Мне оказалось достаточно побриться, чтобы выглядеть моложе, а вот Вам морщины уже никак не скрыть.

Это стало последней каплей, Маргарита Валуа покинула бал, а потом и двор мужа, где за последний год прибавилось бритых мужчин или тех, кто стал носить причудливые бородки и бакенбарды. Многие следовали моде своего суверена, отчего дело Корентайн процветало.

Поначалу парижане с сомнением относились к новым лавочке и цирюльне, но вскоре любопытство возобладало, тем более, что в лавочке давали чай и кофе на пробу. Но напитки подавались в чашечках едва больше напёрстков, а потому, чтобы насладиться вкусом, приходилось товар покупать и, следуя подробной инструкции, заваривать дома. Конечно, можно было насладиться напитком на небольшой веранде у лавочки в пару столиков, но очереди были огромными, а цена на товары и без того большая, имела наценку за подачу.

В цирюльне услуги тоже не были дешёвыми, но обслуживание и новинки подкупали молодых и не очень модников Парижа. Более того, мужчины с удивлением отметили, что за небольшой стойкой в углу можно купить подарки жёнам (и себе). Ароматные мыла, лосьоны, шампуни, крема и прочая косметика, не предназначенная для украшения, но для ухода и здоровья. Сначала эти вещи не пользовались популярностью, если не говорить о лосьонах, которыми наслаждались мужчины, но вскоре немногочисленные посетители цирюльни стали свидетелями того, как смущающиеся женщины заходят внутрь, хихикая, выбирают товары за баснословные цены, и счастливые уходят.

Всего за год имя "Пурпурная орхидея и чёрный тюльпан" стало известным в Париже и за его пределами. В один из дней Дени прибыл в Нерак, чтобы передать Наваррского шкатулку и записку.

Шкатулка была полна экю, количество которых вдвое превышало ту тысячу, что Корентайн попросила у него семь лет назад, а в записке было лишь несколько слов.

{Благодарю за помощь, Анри! Возвращаю свой долг с процентами! До встречи в Париже!}

Генрих был крайне недоволен поступком девушки, но Дени удалось успокоить короля, объяснив, что натура мадемуазель не терпит долгов. Она изначально планировала вернуть долг, но не знала, как быстро это удастся, поэтому не стала давать обещаний. Тем не менее было и то, что Корентайн просила Перро передать на словах.

– Берегитесь женщин, Ваше Величество. Говорят, в этом году Венера слишком жестока.

– Это всё? – нахмурился Анри Наваррский.

– Всё, Ваше Величество. Она более ничего не сказала, кроме… – мужчина помялся, но всё же сказал: – Что если будете думать головой, а не головкой, то всё станет ясно.

Генрих Наваррский на миг опешил, а потом в голос расхохотался. Эта девчонка была просто невероятна!

Он жестом хотел отпустить Дени, но тот выглядел так, словно ему было, что сказать.

– Ну же! Не тяни! – скривился Анри.

– Мадемуазель была продана Генриху Третьему два месяца назад.

http://erolate.com/book/3457/83427